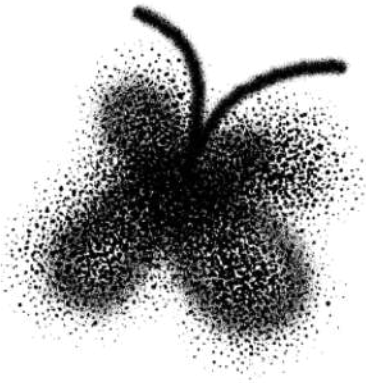

МАМИНЫ СКАЗКИ

Наталя
Эстемирова

КАК ПОСОРИЛИСЬ КРАСКИ

Девочка положила перед собой чистый лист бумаги, открыла коробку с красками и задумалась: «Какую краску взять первой?»

«Меня! — крикнула красная краска. — Я самая красивая! Я могу нарисовать маки, яблоки, чудесный закат!»

«А разве я хуже?! — возразила синяя краска. — Кто сможет нарисовать небо, васильки, колокольчики?»

«А солнышко в полдень кто, кроме меня, нарисует? — возмутилась желтая. — А цыпляток, а груши, а подсолнухи? Я должна быть первой!»

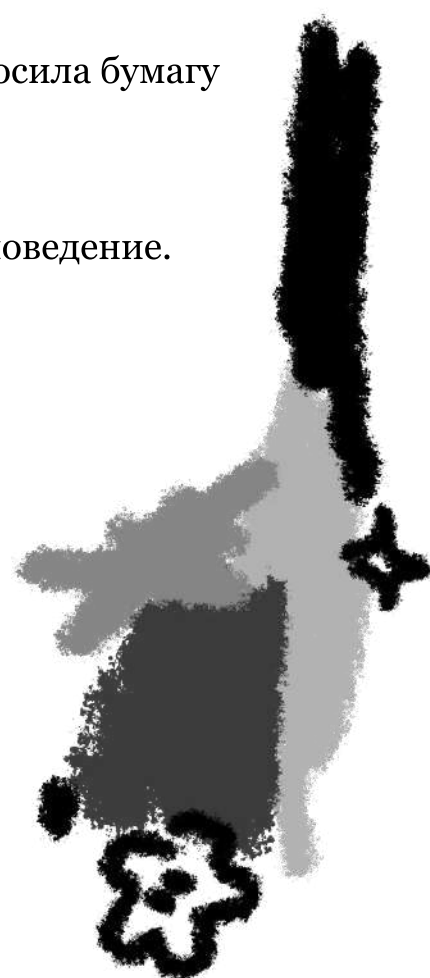

«Ах вот что вы о себе вообразили! — раздался голос зеленой краски. — Как же вы нарисуете свои маки, васильки и подсолнухи, если у них не будет зеленых стеблей и листьев? Первой должна быть я!»

«Нет, я! Нет, я!» — закричали краски все вместе и бросились на бумагу, опережая и отталкивая друг друга. На бумаге появилось большое грязное пятно.

«Фу, какая грязь!» — воскликнула девочка и выбросила бумагу в мусорное ведро.

Краски притихли. Им было очень стыдно за свое поведение.

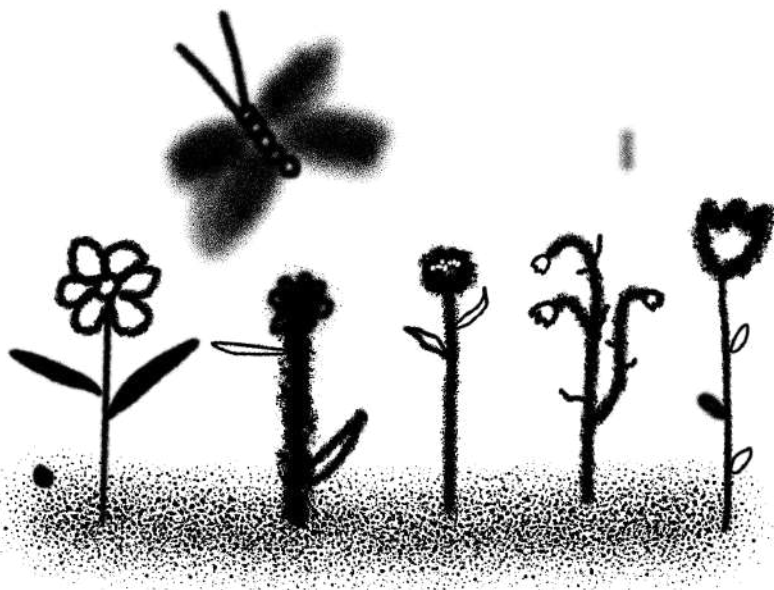

Девочка взяла новый лист. Больше никто не спорил, и скоро на белом листе появился зеленый луг с колокольчиками, васильками, маками. Среди цветов прыгали цыплятки с лягушатами, над ними летали пестрые бабочки. Наверху ласково улыбалось солнышко.

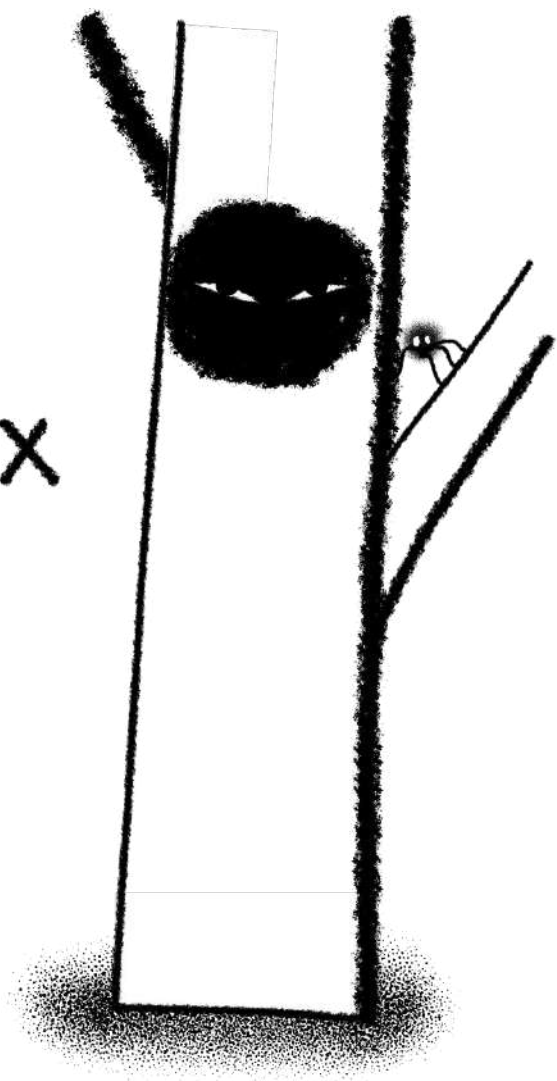

Вдруг появилась синяя тучка, хотела расплакаться, но, увидев, как все радуются, развеселилась сама, уронив всего несколько дождинок. И тут все краски взяли за руки, пробежались по листу и на нем появилась радуга!

«Какой чудесный рисунок получился!» — сказала мама, подойдя к столу. «Тебе нравится?» — спросила дочка. «Конечно, — ответила мама. — Давай повесим его на стене, чтобы в нашей комнате всегда было весело и уютно».

как люди победили страх

Жил на свете злой, противный, коварный Страх. Никого он не любил и хотел, чтобы все его боялись и подчинялись ему. Так было долгое время, но наконец надоело людям задыхаться от его резкого голоса, опускать глаза под колючим взглядом, начали они гнать его от себя подальше. Страх кричал, топал ногами, пытался напугать их, но люди только смеялись над ним. От злости Страх сжимался и горбился и наконец решил уйти подальше в горы, покрытые лесом. Там забрался Страх в дупло и жил вместе с совами и пауками.

Но люди тоже иногда поднимались в горы. Они собирали лесные орехи, горную малину и перекликались друг с другом. Лес звенел от их голосов, а Страх злился, исподтишка толкал людей, опутывал паутиной, противно вскрикивал над ухом. Человек на мгновение пугался, но потом начинал весело смеяться, а Страх забивался в дупло и сверкал оттуда маленькими злыми глазками.

Совсем ему стало плохо, когда люди подобрались к самому его логову. Немного ниже была зеленая долина. Широкий лесной ручей бежал по ней и щедро поил землю. Однажды пришли туда несколько человек, построили хижины и стали жить. Скоро по склонам стали бегать дети, женщины полоскали в ручье белье, шумели сады. Поселок становился все больше и больше. Его жители красили свои дома в разные цвета, очень любили устраивать шумные праздники и балы, даже построили для этого огромное здание из стекла и розового туфа и каждый вечер пели веселые песни.

Страх совсем рассвирепел и решил прогнать их во что бы то ни стало. Он страшно завывал по ночам, заваливал лесные дороги. Но люди, устав днем, ночью крепко спали и ничего не слышали, а завалы разбирали шутя. Тогда Страх завалил ручей (он ведь был сверху). Вода пропала, молодые всходы начали желтеть. Но люди вырыли колодцы, и снова поля и огороды стали зелеными. Тогда Страх разобрал завал. Вода хлынула вниз и смыла все, что там было посажено.

«Ну, теперь умрете с голоду!» — радовался Страх.

Но жители поселка стали делать из глины яркие игрушки, посуду и выжили.

«Это все из-за солнца, — решил Страх. — Вон как оно ярко освещает долину!»

Он напряг все свои силы и начал сгонять тучи. Редкие лучи солнца пробивались сквозь их толщу. Но люди стали делать зеркала. Они устанавливали их на крышах, в стенах домов, окна тоже были зеркальными. Лучики попадали в зеркала, множились, и вскоре вся долина сверкала.

Крепко задумался Страх. В чем сила этих людей и в чем слабость? Думал он целый год и наконец понял: смех — вот сила, а слабость — их любопытство. И действительно, все жители этого поселка, особенно дети, страшно любили совать свои носы всюду — особенно в те места, которые им казались интересными и загадочными.

И вот Страх с отвращением надел на себя ярко-зеленый плащ, чтоб не очень выделяться среди пестро одетых людей, и пошел в поселок. В руках у него была небольшая серая коробочка. Первый же попавшийся мальчишка, увидев коробочку, перестал прыгать через канаву и весело спросил:

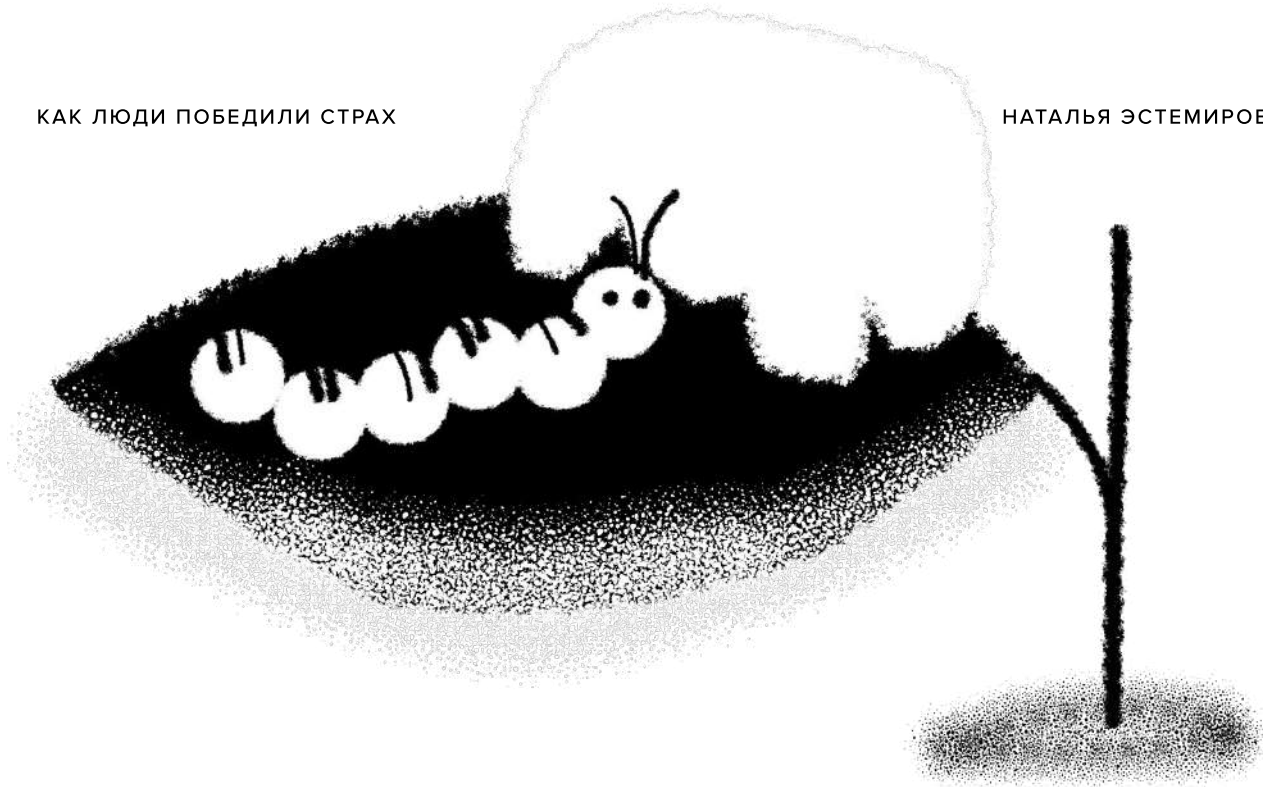
- Дядя, а что это у вас?
- Хочешь посмотреть? — спросил Страх.
- Конечно! — крикнул мальчик.
- Ну тогда наклонись пониже.

Мальчик нагнулся над коробочкой, а Страх нажал кнопку. Крышка резко откинулась, и оттуда выскочил чертик на пружинке. У него было такое ужасное лицо, что мальчик онемел, сердечко его покатилося вниз. Крышка захлопнулась, но мальчик больше не улыбался. Задумчивый пришел он домой и лег в постель. Мама, увидев это, встревожилась, и обычная ласковая улыбка исчезла с ее лица. А Страх шел дальше, заманивал детей и похищал их улыбки. Родители пугались потухшего взгляда детских глаз и становились печальными. Стали искать докторов, но их не было в поселке, где никогда никто не болел. И тогда Страх пришел снова, но теперь в своей темно-серой одежде. Он заметно вырос за это время.

- Вы ищете доктора? — спросил Страх.
- Да! — воскликнули люди.
- Я доктор Хартс. Я могу вылечить и избавить вас от любой болезни, но у меня есть условия!
- О, скажите, мы все выполним!
- Вы должны слушаться меня беспрекословно и выполнять все, что я скажу.
- Говорите, только спасите наших детей!

Им пришлось поднять головы, потому что за несколько минут Страх сильно вырос и возвышался над толпой. Он видел, что она в его власти и выполнит все, что он прикажет.

— Прекратите петь! — сказал Страх. — Перестаньте танцевать! Дети, беря с вас пример, слишком много занимались этим и истощили свои силы.

— Что ж, — подумали люди. — Он ведь доктор, он лучше знает.

Песни умолкли. Над поселком повисла тишина. В дома вползла скука. Жители уже без особого удовольствия занимались хозяйством. Всходы пожирала гусеницы, а селяне только обреченно смотрели на это. Они перестали печь пышные пироги, у многих и хлеба не хватало. Больных становилось все больше.

— Все дело в зеркалах. Они сверкают, раздражают глаза, поэтому у многих болит голова, — говорил доктор Хартс, стоя на балконе бывшего дворца Радости. Теперь все его окна были завешены плотными темными шторами — так что солнце внутрь совсем не попадало.

Сняв зеркала, люди перекрасили дома в серый и черный цвет, надели темные блеклые одежды, уничтожили все игрушки (по словам доктора Хартса, они отнимали силы у детей).

И вот вслед за болезнями в город пришла смерть. Все реже можно было встретить человека в поле и на улице, зато все чаще проходили похоронные процессии. Могил стало больше, чем людей в поселке. Тишину его теперь нарушали только стоны и плач. Здесь больше никто не улыбался. Никто, кроме доктора Хартса. Но эта улыбка была страшнее самой страшной гримасы. Он считал оставшихся жителей и представлял тот день, когда вокруг не будет ни одной живой души. А чтобы приблизить этот день, он завербовал нескольких жителей в шпионы. Они подходили вечером к дверям и окнам, прислушиваясь, и если раздавались музыкальные звуки или веселая речь, доносили доктору Хартсу. Утром тот собирал жителей на площади, называл имена нарушителей правил, и на этих несчастных обрушивалась злоба когда-то веселых людей.

Доктор Хартс не вылечил ни одного человека, но люди от страха перестали думать и не понимали, откуда идет зло. Они по-прежнему смотрели на него с надеждой и трепетали от каждого его слова и движения. Поселок был обречен.

В одном домике на большой деревянной кровати лежала девочка. Ее глаза были закрыты, тонкие руки лежали как неживые, бледные губы, казалось, не пропускали дыхания. Рядом стоял мальчик постарше. Он держал кружку с молоком и просил:

— Тамми, ну пожалуйста, только один глоток. Соседка принесла и сказала, что тебе это обязательно поможет!

— Не надо, Адер... Выпей сам, мне уже ничего не поможет. Не мешай, я хочу вспомнить ту песенку, которую пела мама, а потом умру.

— Ну скажи, чего ты хочешь, увидишь, я все достану!

— Я хочу только это. Когда она пела, я играла с куклой. Мне кажется, если бы я увидела ее, сразу вспомнила бы песенку. У меня больше нет сил разговаривать, оставь меня, пожалуйста!

Адер вышел. Он с трудом различал тропинку, потому что глаза жгли слезы. Огляделся он на берегу ручья.

«Что мне делать? — думал Адер. — Когда умерли родители, я знал, что должен жить и заботиться о сестре. Но она умирает, и я не могу ее спасти...» Его руки погружались во влажную почву берега, мяли ее, и вдруг он почувствовал, что она не рассыпается, а сохраняет форму. Это была та самая белая глина, из которой раньше жители делали посуду и игрушки. Это было так давно, что Адер этого не знал. Но он взял в руки комок и сделал из него шарик. Потом зеленой травой нарисовал глаза, красными ягодами щеки и рот.

Адер тихонечко, чтобы не разбудить Тамми, вошел в дом.

Напрасно он беспокоился, девочка не пошевелинулась.

На дне сундука нашлись пестрые лоскутки — они остались от платьев, которые мама когда-то шила Тамми.

Адер кое-как приделал их к голове и позвал сестру. Тамми нехотя открыла глаза. И вдруг перед ней явилось такое невиданно яркое чудо, что она зажмурилась, потом глаза ее широко раскрылись и она выдохнула:

— Кукла!

Бессильные руки ее поднялись и потянулись к невиданному неумелому созданию Адера. Мальчик не верил своим глазам, а сестра уже просила его помочь ей сесть и убрать шторы, чтобы получше рассмотреть подарок. Он сорвал с окон темные тряпки, солнце ворвалось в комнату, и вдруг раздались странные звуки. Тамми, любуясь куклой, пела мамину песенку. Адер на минуту испугался, ведь Тамми хотела спеть ее перед смертью, но она уже спускала ноги с кровати. Тогда Адер вспомнил о том, что он давно уже носил в своем кармане, никому не говоря. Это была тростинка с дырочками. Если закрывать их по одной и дуть в тростинку, получались красивые звуки. Он начал подыгрывать песенке Тамми, а она уже кружилась по комнате. В дверях стояла изумленная соседка. Она-то думала что Тамми умерла, и пришла помочь Адеру похоронить ее, а Тамми улыбалась и пела, замолкнув только для того, чтобы выпить молоко и съесть кусок хлеба. Соседка смеялась, глядя на это, забыв обо всем, а потом пришла домой и принесла туда целые букеты улыбок. Она делилась ими

со всеми и звала порадоваться вместе с ней. Впервые выздоровел больной ребенок и смерть осталась ни с чем.

Люди спешили на ее зов, несли своих детей, разыскивали игрушки, доставали яркие одежды, вспоминали мелодии. И улыбались, смеялись, хохотали. Кто-то пустил солнечного зайчика, и вот уже все бросились разыскивать осколки зеркал, отмывать их, и озорные лучики запрыгали по стенам и окнам домов, по веселым лицам. Песенку Тамми пели все вокруг, подыгрывая на дудочках, гитарах, гармониках.

Толпа становилась все больше и направлялась к мрачному жилищу доктора Хартса — он долго не слышал звуков из-за плотных штор. Но вот ему показалось, что лес шумит очень сильно и странно.

«Будет гроза? Надо посмотреть». — Он чуть-чуть раздвинул шторы и тут же отпрянул, ослепленный. Люди послали туда всех солнечных зайчиков, которых только смогли поймать. Падая, Страх разбил окно, и во дворец ворвался веселый ветер. Он взметнул шторы и впустил внутрь целую толпу лучей. А в двери уже входили люди. Они шли по залам, срывая занавеси и паутину, и звали доктора Хартса, только его нигде не было.

— Так кого же мы боялись? — удивились люди. — Кого же мы слушались так беспрекословно?

Они не заметили, как у них под ногами мелькнуло что-то маленькое и темное, похожее на паука. Это Страх убегал в лес, подальше от людей, освободившихся от него. Он снова стал жить в лесу, пугая далеко забежавших детей. Но это было даже хорошо, ведь иначе дети могли заблудиться и не найти дорогу домой. А родители рассказывали эту историю и учили никогда не совать свой нос куда не следует и не расставаться с улыбкой и песней, даже когда очень трудно и страшно.

ИСТОРИЯ БЕЗ КОНЦА

В маленьком саду стояло старое вишневое дерево. Весна только начиналась, поэтому не было на нем ни листьев, ни цветов, ни плодов, а были только почки. Серая растрепанная ворона присела на ветку, прицелилась, чтобы клюнуть одну из них. И вдруг ей почудился какой-то шорох.

— Кто здесь? — насторожилась ворона.

— Я, — услышала она чей-то слабенький голосок.

— А кто ты?

— Цветочек, я здесь сижу в почке, но мне очень тесно. Сквозь стенки я чувствую тепло. Как бы мне хотелось выйти наружу, наверное, там очень весело!

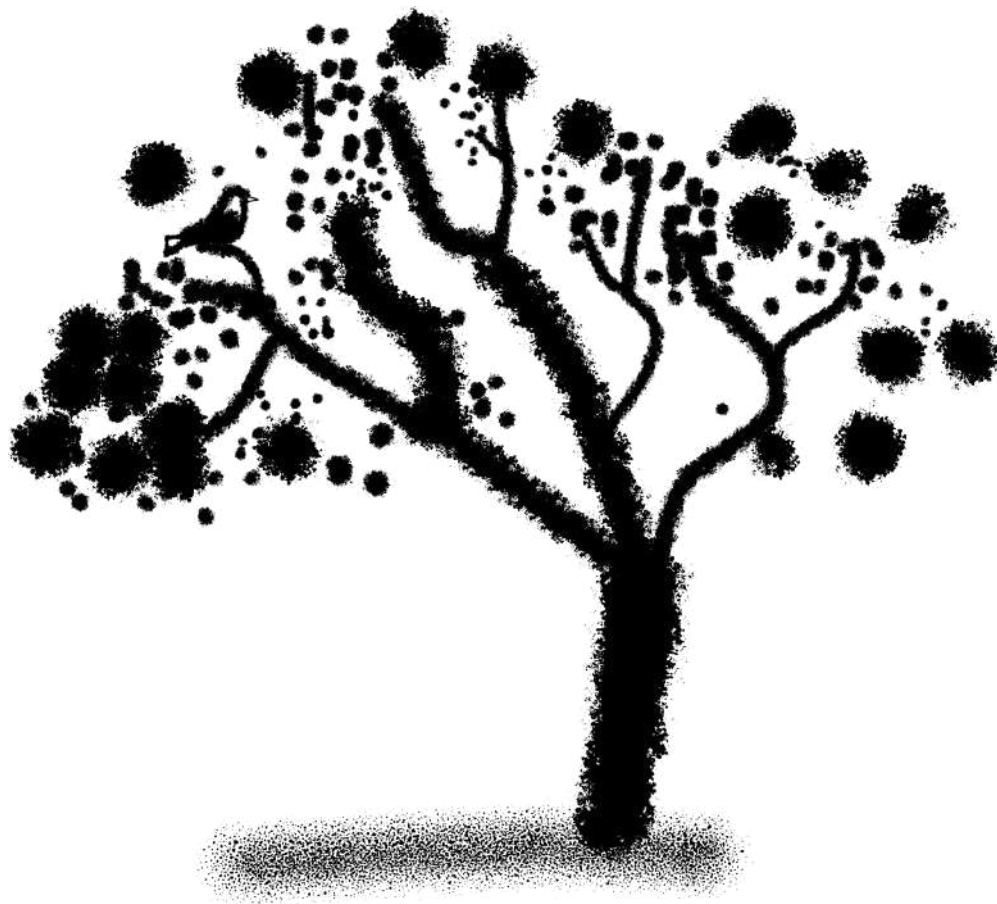
— Глупости, — отрезала ворона. — Здесь холодно, сыро и есть нечего. Тебя хотела съесть, но теперь поговорила с тобой — и вроде неудобно.

— Не ешь меня, пожалуйста, я все-таки хочу посмотреть, как там, снаружи!

В этот момент солнце прорвалось из тучи и засияло на синем небе. Сразу стало тепло, почка затрещала и раскрылась.

— Ах, как здесь красиво! — воскликнул цветочек, потянулся и расправил лепестки.

По всему дереву раздавался тихий треск и шорох. Из почек вылезали розовые и крохотные зеленые листочки. Они весело трепетали и радовались свету и теплу.

— Погодите, — проворчала ворона. — Посмотрим, что вы скажете утром.

Ночью было холодно. Цветочек приуныл, но утром солнышко вышло снова, и он прибодрился.

— Здравствуй, ворона! А я живой! — крикнул он, едва заведев старую вещунью.

— Погоди, погоди, — проворчала та. — Вон ветер поднимается, посмотрим, как ты удержишься на своей тоненькой ножке. До завтра ты не доживешь!

И вправду, все вокруг вдруг потемнело, солнце скрылось за тяжелыми тучами, налетел вихрь, и бедные цветочки уцепились изо всех сил за ветки, стараясь удержаться. Один за другим теряли они свои лепестки, многие и сами срывались с ветки, выбившись из сил, но наш цветочек держался крепко и сам не отпускал свои лепестки.

Буря пронеслась, солнце выглянуло снова.

— Посмотри, со мной все в порядке! — крикнул цветочек взъерошенной вороне. — А ты, кажется, лишилась кое-каких перьев!

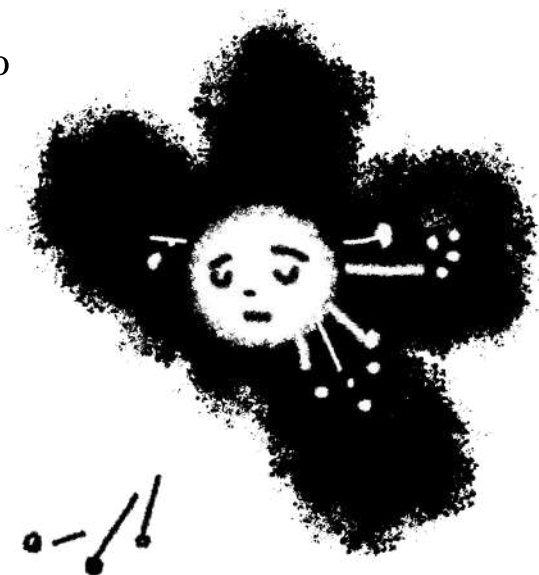
— Смейся, смейся, недолго тебе осталось, все равно твои лепестки скоро превратятся в мусор под ногами и ты умрешь!

— Не может быть, — возразил цветочек, оглядев свои розовые лепестки. Правда, ему показалось что они не так свежи, как раньше, но, может, это ему показалось из-за наступающих сумерек?

Однако утром цветочек с ужасом почувствовал, что он не может удержать лепестки. Вот оторвался и улетел первый, за ним второй, третий.

— Я умираю! — крикнул цветочек. — Скоро оторвется последний лепесток и меня не будет!

— Не бойся, — прошелестела вишня, — ты не умрешь, ты просто станешь другим.

Однако утром цветочек с ужасом почувствовал, что он не может удержать лепестки. Вот оторвался и улетел первый, за ним второй, третий.

— Я умираю! — крикнул цветочек. — Скоро оторвется последний лепесток и меня не будет!

— Не бойся, — прошелестела вишня, — ты не умрешь, ты просто станешь другим.

От цветка остался только маленький зеленый кулачок. «Какой я стал некрасивый», — с огорчением подумал он.

Но солнышко припекало так ласково, а рядом было множество завязей, как он переживших и ветер и дождь, так что скоро он утешился и начал подставлять солнцу то один, то другой бочок. С каждым днем кулачок становился все больше и больше и наконец превратился в вишенку.

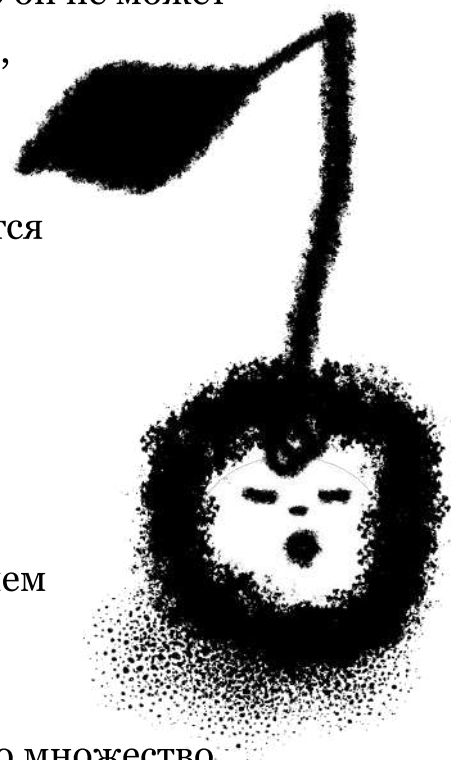
— Ах, какая я большая, — заметила вишенка. — Больше всех своих сестриц! — И она покраснела от удовольствия.

— Не пора ли тебя склевать? — раздался голос вороны.

— Нет, пожалуйста, не надо, — испуганно крикнула вишенка. — Мне так хорошо, я не хочу умирать!

— Ну ладно, — каркнула ворона, — здесь и кроме тебя есть чем полакомиться. Но имей в виду: когда сюда прилетят другие птицы, они тебя слушать не будут — ты же ярче и крупнее всех и висишь на самом виду.

— Я спрячусь, — пролепетала вишенка. Она же видела, во что превратил ее соседку залетный воробей.

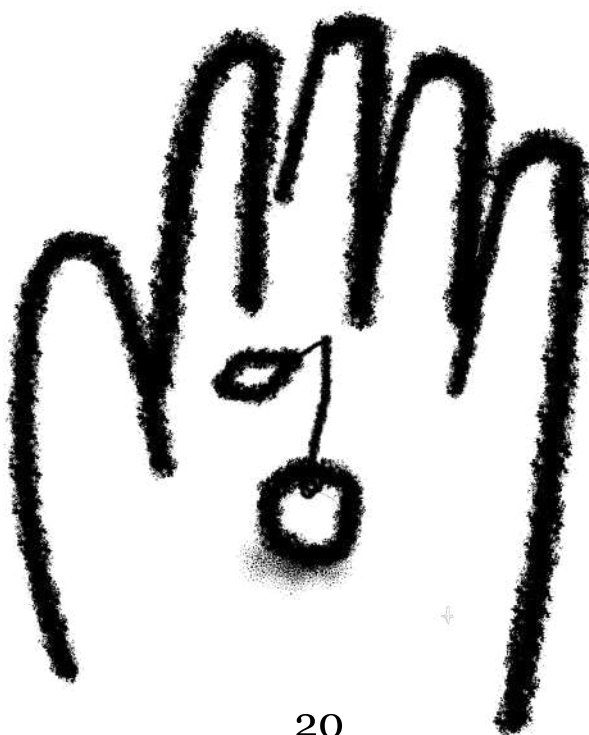

Прошло еще немало дней, и вот сад наполнился людьми. Они срывали абрикосы и вишни и наполняли ими корзины. Одна за другой ныряли в них вишенки, но наша все пряталась. Скоро на дереве не осталось ни одной ягодки. Корзины унесли.

И тут в сад вбежала маленькая девочка, увидела, как он опустел, и заплакала от обиды.

— Мне не досталось ни одной вишенки, а ведь я их так люблю!
«Как ей сейчас плохо, — пожалела вишенка, — а ведь утешить ее могу только я». И она попросила, чтобы вишня наклонила ветку к девочке. Та почувствовала прикосновение листьев, открыла глаза и вдруг увидела перед собой чудесную темно-красную ягоду, которая, казалось, вот-вот лопнет от сока.

— Ой, какая! — восхитилась девочка и осторожно сорвала ее. Такой сладкой вишни еще никогда не доводилось пробовать. Губы ее стали темно-красными от сока. Девочка выплюнула на ладонь крупную косточку, подумала немного, крикнула: «Лети!» и бросила ее высоко-высоко.

Косточка сначала взлетела выше старой вишни, а потом упала на землю и закатилась в ямку, прорытую дождевым червем.

— Дождалась, глупая, — проворчала ворона, — теперь пропадешь навсегда!

«Ну и пусть, — подумала косточка, — я ни о чем не жалею. Я просто очень хочу спать».

И она заснула. На земле лето сменилось осенью, зима укутала все снегом. А косточка все спала.

Но вот солнышко начало припекать по-весеннему. Снег растаял, и в норку протек ручеек. Косточка почувствовала сырость и перевернулась на один бок. Вскоре ей захотелось узнать, что там происходит наверху. Оболочка, ставшая за зиму тонкой, лопнула, и из нее высунулся зеленый росток. Он все вытягивался и вытягивался и наконец вылез на поверхность.

— Это кто еще тут? — прокаркала знакомая нам ворона.

— А ну полезай обратно, здесь и без тебя тесно, видишь, полный сад деревьев. Не слушаешься — умрешь! Здесь холодно и голодно!

— Я тебе не верю, ворона! — рассмеялся росток. — Ты меня давно пугаешь смертью, а я все живу и живу, только меняюсь, но не умираю!

— Молодец, — прошумела старая вишня. — Ты действительно не умрешь. Мое время прошло. В этом году я не расцвету и не выпущу листьев. Всю свою силу я отдаю тебе.

— Значит, умрешь ты? — огорчился росток.

— Нет, я буду жить в тебе. А ты дашь жизнь множеству листьев, плодов и деревьев. И жизнь не кончится. Никогда!

